

МАРСО
Амса



ИЗМЕНА

Красивая месть

Алиса Марсо

Измена. Красива мeсть

«Автор»

2026

Марсо А.

Измена. Красива месть / А. Марсо — «Автор», 2026

– Мне не хватает тебя, Виталь. Сердце ускоряется раньше, чем я успеваю понять, почему. – Девочка моя, – доносится до меня знакомый голос. – Я же работаю. Кто же будет оплачивать все наши счета? Да и жена начнет задавать вопросы. – Тогда разведись с ней. Ты сам говорил, что она стала привычной и не возбуждает. Что тебя притягивает мое изящное тело, наивность в глазах, что со мной ты чувствуешь себя сильным, главным, настоящим мужчиной. А с ней нет. – Да, но развод – это такой головняк, и столько всего делить надо. Двадцать лет я была его женой, родила дочь, подняла салон с нуля, делила с ним радости, долги, бессонные ночи. А он заводит себе в любовницы молоденькую девушку и говорит ей, что развод со мной – это головняк? Я не буду кричать. Не буду устраивать сцен. Не буду просить его остаться. Я просто похороню то, что уже мертво. И сделаю это так красиво, что заиками останутся.

© Марсо А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	20
Глава 7	22
Глава 8	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Алиса Марсо

Измена. Красива месть

Глава 1

«Она еще не знала, что именно в эту минуту любовь умерла. А неживое всегда нужно отправлять в то самое тихое место на окраинах города».

Песня доносится из окна медленно проезжающей мимо меня машины. Женский голос почти без эмоций, под тихий бит, поет будто констатирует факт.

Я стою на тротуаре, прищурившись от низкого осеннего солнца, и ловлю себя на том, что машина уже уехала, а слова все еще крутятся в голове. Глупость, обычная попсня, но почему-то цепляет.

Когда любовь умирает, это видно задолго до ее смерти. Кто, вообще, эти песни сочиняет? Подобное работает только на молоденьких девочках.

Я поправляю ремень сумки и захожу в кафе.

Здесь пахнет кофе и сладкой выпечкой. Зал небольшой, почти пустой в этот час. Ближайший свободный столик стоит у огромного напольного растения в тяжелом керамическом кашпо. Широкие глянцевые листья закрывают полпространства.

Я сажусь именно сюда, спиной к залу, лицом к окну. Хочу просто передохнуть пару минут, прежде чем снова звонить в транспортную компанию и выяснять, куда делись два ящика профессиональной косметики для моего салона.

Достаю телефон, экран загорается списком неотвеченных сообщений. Снова сухо и коротко пишу менеджеру. Пальцы двигаются быстро и раздраженно. День начинается паршиво, и я чувствую, как внутри все сильнее стягивается в тугий узел злости.

Ненавижу злиться. Злость повышает кортизол, а после сорока из-за этого гормона трудно держать себя в форме.

А потом я слышу голоса.

Сначала это просто звук. Мужской, низкий, с легкой хрипотцой. Женский выше, мягче, с той протяжной интонацией, которую используют, когда пытаются повлиять на решение мужчины, раскрутить его на что-то нужное. Голоса идут из-за моей спины, очевидно, из-за широкого цветка, с соседнего столика.

Сердце срывается с места раньше, чем я успеваю понять, почему. Удар, второй, третий уже гулкий, неприятный, отдающийся в висках и в кончиках пальцев. Ладони мгновенно становятся влажными, а горло сжимается.

Я замираю, глядя в экран телефона, и не могу заставить пальцы, продолжить набирать текст.

Что это?

Мозг еще пытается работать логично и убедить себя, что просто похожие тембры. В городе полно мужчин с таким голосом, а женщин с такой интонацией еще больше.

Совпадение. Обычное совпадение.

Но тело уже не верит в совпадения. Пульс колотит так сильно, что мне кажется, его слышно на весь зал. В груди поднимается странное, почти животное беспокойство.

Я делаю медленный вдох через нос, пытаюсь успокоиться, но воздух входит тяжело, будто легкие сжались от страха.

Голоса продолжают звучать, тихо, почти интимно. Мужчина и женщина не повышают тон, не смеются громко, просто разговаривают так, будто вокруг них никого нет.

Мужчина что-то говорит низко, снисходительно. Женщина отвечает короче, с легкой капризной ноткой.

Я сижу неподвижно, пальцы лежат на экране, но больше ничего не пишут. Внутри все сильнее нарастает ощущение, что я должна сейчас что-то узнать. Что-то очень важное и одновременно, что лучше бы я этого никогда не знала.

Мозг продолжает сопротивляться. Нет. Не может быть. Ты просто устала. Ты злишься из-за поставки, поэтому любое совпадение кажется значимым. Это не они. Это просто люди за соседним столиком.

Но сердце колотит все сильнее, я чувствую, как по спине ползет холодный пот, а висках стучит так громко, что на секунду кажется, что я не выдержу и просто сбегу отсюда.

Я осторожно, почти незаметно поворачиваю голову назад. Листья растения почти полностью закрывают обзор. Видно только край чужого стола и кусочек плеча в темной ткани. Ничего конкретного.

Голоса доносятся снова, только теперь громче и четче.

– Мне не хватает тебя, Виталь...

Имя врывается в слуховой аппарат как лезвие.

Виталь.

Мозг на долю секунды еще пытается отмахнуться от услышанного. В мире много Виталей, город большой, глупо цепляться за имя, но тело уже все поняло. Оно знает этот тембр слишком хорошо, знает, как этот голос звучит, когда он мягкий, когда он хочет успокоить, когда он нежный.

Я медленно закрываю глаза.

– Девочка моя, – доносится уже совсем ясно. – Я же работаю. Вечером дома нужно быть. Я и так изворачиваюсь, чтобы вырвать лишний час для нас. Ты же понимаешь все.

Патока, сладкая, тягучая патока. Так он со мной не разговаривал уже очень давно.

– Меньше работай, – капризно тянет женский голос. – Ну, серьезно. Ради меня можешь чуть сбавить темп?

– Тогда не будет денег оплачивать твои желания, – он мягко смеется, и в этом смехе столько привычной нежности, что мне хочется выть. – Кто-то же должен содержать все это, – и я слышу шуршание пакетов.

– Я хочу, чтобы ты проводил вечера со мной, – уже тише, почти шепотом говорит девушка. – Не урывками, не между совещаниями, а по-настоящему. Чтобы ты был моим.

Я сижу, глядя в одну точку на погасшем экране телефона. Пальцы окоченели.

– Зая, – Виталья вздыхает так, будто ему действительно тяжело. – Ты же знаешь, Нина начнет задавать вопросы. Она умная женщина, она слишком хорошо меня знает. Если я вдруг начну пропадать каждый вечер, начнет подозревать.

– Тогда разведись с ней.

Тишина. Короткая и оглушительная.

– Ты же сам говорил, – продолжает знакомый женский голос уже жестче, и в тоне появляется обида, – что она немолода, что стала привычной, что уже не возбуждает, что нет огня, что тебя притягивает мое изящное тело, наивность в глазах, что со мной ты чувствуешь себя сильным, главным, настоящим мужчиной, который может решить любую проблему. А с ней такого нет. Ты сам это сказал.

Меня словно током бьет.

Мне сорок. Я до сих пор регулярно слежу за собой, у меня хорошая фигура, ухоженные руки, шея, я знаю, как выглядеть изящно. У меня свой косметический салон. Я не «старая жена». Я не «привычная».

Но он не отпирается.

– Я помню, малышка, – тихо отвечает Виталя. – Помню каждое слово, но сейчас не до развода. Ну, представь, все делить. Салон она себе оставит, это понятно. Фирму заберу я. Машины достанутся каждому своя. А дом? Как дом делить? А депозиты? А то, что мы вместе двадцать лет собирали, весь этот быт? Это же такой головняк, Кристин. Такой грязный, долгий головняк. Я не готов сейчас в это ввязываться.

– Вита-а-аль, – голос Кристины становится почти жалобным. – Ты что, хочешь, чтобы я до старости ходила у тебя в любовницах? Чтобы ты так же, как сейчас от жены, однажды ушел и от меня? Когда я перестану быть «изящной» и «наивной»?

Я медленно, очень медленно тянусь к сумке. Пальцы все-таки дрожат, когда я достаю маленькое зеркальце. Открываю крышку и смотрю на себя.

Карие глаза, омолаживающий макияж, который я делаю утром уже на автомате, темные волосы, убранные в аккуратный пучок, губы подкрашены яркой помадой. Я выгляжу хорошо, для моего возраста даже отлично. Не как женщина, которую только что называли «привычной» и «не возбуждающей».

Потом я чуть сдвигаю зеркало под углом и через отражение, сквозь листья огромного цветка, я вижу их.

Виталя сидит полубоком, рука лежит на спинке ее стула, пальцы едва касаются плеча. Кристина вся в нем. Тянется ближе, смотрит снизу вверх, как будто он единственный человек на свете, который может дать ей то, чего она так жаждет.

Ему сорок семь, девочке двадцать пять лет, чуть старше нашей дочери. И что самое шокирующее, Кристина – дочь моей близкой подруги Яны.

Яна, вообще, знает, с кем шастает ее дочь целыми днями?

Я медленно закрываю зеркальце и кладу его обратно в сумку. Руки больше не мои, они чужие, холодные, плохо слушаются.

Подходит официант, молодой парень с блокнотом.

– Вам что-нибудь...

Я поднимаю ладонь, без слов, чтобы не выдать себя, машу, что мне ничего не надо, и быстро качаю головой. Он кивает и отступает. Я продолжаю сидеть.

За цветком они все еще воркуют. Уже тише, уже про то, когда получится увидеться в следующий раз, про то, что она будет ждать, про то, что он «обязательно вырвется».

Каждое слово ложится внутрь тяжелым, холодным камнем.

Я сижу ровно, спина прямая, лицо без эмоций. Посмотри не меня со стороны, я – обычная женщина, которая просто ждет заказ или листает телефон, но внутри что-то медленно, очень болезненно раскалывается на множество частей.

Ком в горле растет, слезы жгут глаза, но я не даю им пролиться. Не здесь, не при всех. Что делать?

Встать, подойти и сказать: «Здравствуйте, какие неожиданные люди в этом районе»? Или устроить сцену, бросить в лицо все, что сейчас рвется наружу, потребовать объяснений и устроить истерику, на которую у меня, если честно, совсем нет сил?

Или просто уйти.

Я выбираю второе.

Медленно собираю телефон и кладу в сумку. Встаю, ноги держат, хотя кажется, что вот-вот подкосятся.

Я иду к выходу, как и пришла, не смотрю в их сторону. Ни разу.

Выхожу на улицу, дверь кафе закрывается за спиной с тихим звоном. Свежий воздух бьет в лицо, где-то совсем близко в чьей-то машине снова играет радио, и оттуда, словно издеваясь надо мной, снова доносится тот же обрывок:

«Она еще не знала, что именно в эту минуту любовь умерла. А неживое всегда нужно отправлять в то самое тихое место на окраинах города».

Я останавливаюсь на тротуаре, руки все еще дрожат, а внутри пустота, в которой медленно, тяжело бьется разбитое сердце.

Я думала, что когда любовь умирает, это видно заранее. Что есть знаки, трещины, предупреждения, что можно успеть что-то сделать.

Я ошибалась. И теперь, как советуется в песне, я буду ее хоронить.

Глава 2

Я замираю и еще долго не могу заставить себя сесть в машину. Стою на тротуаре, прижав ладонь к груди, будто пытаюсь удержать чувства, что прямо сейчас гаснут в моей груди.

Воздух прохладный, осенний, и он обжигает легкие. Руки дрожат так сильно, что ключи приходится искать в сумке почти вечно.

Завожу двигатель и еду. Не запоминаю дорогу, только то, как пальцы стискивают руль до побелевших костяшек, и то, как в голове крутятся обрывки их разговора: «привычная», «не возбуждает», «изящное тело», «наивность в глазах».

Я не кричу, не бью по рулю, не реву в голос. Просто еду и чувствую, как внутри медленно, очень медленно расплзается что-то тяжелое и холодное. Физическая боль, настоящая, в груди, под ребрами, будто тупым ножом проводят снова и снова по одному и тому же месту.

Двадцать лет. Двадцать лет я была его женой, родила нашу дочь, подняла косметологический салон с нуля, делила с ним и радости, и долги, и бессонные ночи. Поддерживала мужа, когда он открывал свою логистическую компанию.

Сначала сам работал, сутками пропадал на дорогах на фуре, затем постепенно нанимал сотрудников, занимался больше управленческими делами, а там и фирму оформил. Как покупали и обустраивали наше жилье, каждый угол выбирался вместе и сообща.

А теперь он сидит в кафе и объясняет двадцатипятилетней девчонке, почему сейчас «не до развода» со мной?

Я не собираюсь делать вид, что ничего не видела, не собираюсь прощать и уж точно не собираюсь все забывать. Но я взрослая женщина, умная, самодостаточная, независимая, и именно поэтому я понимаю: сейчас нельзя устраивать сцены, нельзя звонить, кричать, требовать объяснений. Сначала нужно все обдумать. Спокойно, холодно, до логического конца.

Дома я первым делом звоню в салон.

– Все штатно, Нина Сергеевна, – говорит администратор. – Клиентки идут, поставка все еще не пришла, но мы работаем.

– Хорошо. Сегодня меня не будет, – отвечаю я ровным голосом. – Если что-то срочное звоните на мобильный.

Кладу трубку, и только после этого позволяю себе сползти по двери прихожей на пол. Сажу несколько минут, уткнувшись лбом в колени, потом поднимаюсь, но так медленно, будто мне восемьдесят, и я уже ничего не хочу.

Иду в ванную, набираю горячую воду, сыплю крупную морскую соль и добавляю масло с запахом нероли и сандала. Именно его я особенно нежно люблю и берегу, потому что оно идеально расслабляет меня в трудные рабочие будни.

Снимаю одежду и смотрю на свое тело в высоком зеркале напротив ванны.

Сорок лет. Грудь уже не такая упругая, как наверняка у Кристины. Я рожала и кормила, кожа на животе тоже хранит едва заметные следы возраста, но бедра по-прежнему крепкие, талия есть, руки подтянутые, ноги стройные, без явных признаков целлюлита. Я регулярно ухаживаю за собой. Не из тщеславия, а из уважения к себе.

Я не «привычная» и не «старая жена».

Ложусь в воду, соль щиплет мелкие царапины на коже, и эта маленькая физическая боль почему-то помогает. Я закрываю глаза и лежу, пока вода не начинает остывать. Потом выхожу, наношу маску на лицо, плотную, питательную, с частицами золота, и подключаю аппарат микротоков.

Медленно провожу манипулой по скулам, по лбу, по шее. Ток мягко покалывает, мышцы подтягиваются. Я смотрю на свое отражение и вижу женщину, которая все еще красивая, все еще привлекательная и вполне сексуальная.

Мою волосы, наношу маску, расчесываю длинными, медленными движениями. Затем вытираюсь огромным мягким полотенцем и начинаю наносить ароматные сливки для тела с запахом ванили и белого чая. Медленно, почти ритуально: шея, декольте, грудь, живот, бедра. Каждое движение, как доказательство себе: я здесь, я жива, я все еще красивая.

Надеваю черный шелковый пеньюар. Тонкий, почти прозрачный, с глубоким вырезом, тот, который Виталя когда-то подарил и который я почти не носила. Сейчас надеваю специально.

Включаю музыку. Что-то рандомное из плейлиста, низкое, тягучее, с глубоким басом. И начинаю двигаться.

Сначала просто покачиваюсь, двигаюсь медленно, глубоко, руки поднимаются вверх, плечи ведут, бедра рисуют круги. Я танцую перед зеркалом, как змея, смотрю себе в глаза, вижу красные от слез белки и припухшие губы, вижу тело, которое все еще умеет быть желанным, вижу женщину, которую предали, но которая не сломалась. Нет, я этого просто не позволю себе.

Слезы все-таки идут, тихо, без всхлипов, просто текут по щекам, пока я продолжаю двигаться. Я не вытираю их. Пусть. Пусть эта боль выйдет хотя бы так.

Танцую долго, пока музыка льется, пока ноги не начинают дрожать, пока морально не опустошаюсь, пока силы не заканчиваются, потом останавливаюсь, кладу ладони на холодное стекло зеркала и шепчу самой себе:

– Ты справишься. Ты сильная. Твоя жизнь не зависит от мужчины.

Телефон звонит, когда я уже сижу на краю кровати, завернувшись в плед.

Алина.

– Мам, привет, – голос дочери звучит бодро и весело. – Ты как? Я между парами звоню, поэтому могу говорить недолго.

– Нормально, – отвечаю я, но голос предает, звучит чуть хрипло, чем обычно.

– Ты точно в порядке? Что-то мне твой голос не нравится.

– Просто устала уже. Нервное утро выдалось, транспортная компания потеряла мой товар, разбиралась. Не бери в голову. Как учеба?

Алина рассказывает про начало учебного года, про новый предмет, про одноклассников, про то, что общежитие снова шумно по ночам. Я слушаю и отвечаю коротко, но стараюсь ровно. Говорю, что у нас с отцом все хорошо, что салон работает, что я скоро приеду на выходные.

– И, Алина, если в общежитии жить некомфортно, и ты не высыпaeшься, давай снимем тебе квартиру.

– Нет, мам, все нормально. Это обычная студенческая жизнь.

– Я понимаю, что там своя атмосфера, но ты можешь сгруппироваться с двумя-тремя подружками и жить на квартире вместе.

– Ладно, я подумаю. Если совсем тяжело будет, скажу тебе.

Алина замолкает на секунду, а потом сообщает с нотками удивления.

– Мам, а я буквально полчаса назад с Кристиной переписывалась.

– И что? Почему ты мне решила об этом сказать, – буднично спрашиваю я, но сердце уже срывается вскачь.

– Просто она сказала, что вроде как замуж собирается и предложила мне быть подружкой невесты. Представляешь? Ты что-то об этом слышала? Тетя Яна ничего не говорила?

Я замираю, кровь отливает от лица так резко, что на секунду темнеет в глазах. Пальцы сжимают телефон сильнее, чем нужно.

– Нет, я не знала, что у нее с кем-то серьезные отношения.

– Так, и я не знала. Летом с ней общались, и я ни разу не видела ее с парнем, а тут раз и замуж.

Я смотрю на свое отражение в темном экране телевизора напротив и вижу бледную, с потухшими глазами, в черном пеньюаре женщину, которую только что снова ударили.

И тихо, почти беззвучно, сквозь сжатые зубы произношу:

– Не раньше, чем я похороню свою любовь.

Алина не разбирает моих слов, но это и хорошо.

– Мам? Ты что-то сказала?

– Ничего, – отвечаю я уже нормальным голосом. – Просто мысли вслух. Рада за нее. Передавай привет, если еще будете переписываться.

– Тоже думаешь, что она беременная?

– Беременная? – это предположение окончательно выбивает меня из равновесия и, чтобы не выдать себя, быстро прощаюсь с дочерью и вешаю трубку.

Долго сижу в тишине, потом поднимаюсь, подхожу к зеркалу еще раз и смотрю на себя долго, внимательно и совершенно без жалости.

Я не буду кричать. Не буду устраивать сцен. Не буду просить его остаться.

Я просто похороню то, что уже мертво.

И сделаю это так красиво, что они заиками останутся.

Глава 3

Я уже лежу в постели, когда слышу, как открывается входная дверь. Ключи звякают в миске на тумбочке в прихожей, шаги по коридору привычные, осторожные.

Сегодня Виталя вернулся поздно. Вот это непривычно.

Я лежу на боку, лицом к окну и стараюсь дышать размеренно. Глаза закрыты, тело расслаблено, все как обычно, только внутри все сжато в тугий комок.

Я не готова смотреть ему в лицо. Не сегодня. Мне нужно время. Время, чтобы выровнять внутреннее равновесие, которое утром треснуло так сильно, что до сих пор отдается в груди тупой болью.

Виталя заходит в спальню, тихо раздевается, стараясь не шуметь, и я чувствую, как матрас прогибается с его стороны. Он ложится, несколько секунд неподвижной тишины, потом его рука ложится мне на талию. Это привычный жест, поэтому я не вздрагиваю, а упорно продолжаю делать вид, что уже сплю.

Виталя вздыхает и отворачивается, а я открываю глаза в темноте и долго смотрю в ночь за окном.

Именно сейчас я осознаю, что все вокруг нас действительно привычно: рука на талии, когда муж засыпает, звуки его прихода домой, шаги, поведение, только позднее возвращение непривычно.

А как по-другому? Двадцать лет – это не конфетно-букетный период, это половину жизни рядом с человеком, спустя которые ты не только узнаешь его шаги, но и по позе, какое у него сейчас настроение.

Разве это плохо? Нет. Плохо, когда тебя что-то не устраивает, а ты молчишь, терпишь, а потом обманываешь.

Утром я просыпаюсь раньше мужа, собираю волю в кулак, умываюсь холодной водой, делаю безупречный дневной макияж, подчеркиваю глаза, губы оставляю естественными, но с легким блеском. Готовлю элегантный молочный костюм с брюками и блузкой, пиджак вешаю на вешалку, рядом ставлю шпильку и спускаюсь вниз.

На кухне включаю плиту, замешиваю тесто для панкейков и добавляю ваниль. Воздух постепенно наполняется сладким, сдобным запахом. Я ставлю на стол кизилевое варенье, то самое, которое очень любит Виталя и готовлю кофе со сливками и щепоткой корицы.

Запах делает свое дело, и я слышу шаги по лестнице.

Виталя появляется на кухне в домашней футболке, растрепанный, еще сонный. Втягивает в себя воздух и улыбается.

– Божественный аромат! Что ты готовишь? – говорит он, подходит и целует меня в щеку.

Я стою у плиты и как в замедленном видео наблюдаю, что его губы касаются кожи щеки. Не губ.

– Завтрак, который готовят только жены, – спокойно произношу я, переворачивая очередную панкейк.

Виталя садится за стол, все еще улыбается и совершенно не улавливает мой намек.

– Хорошо, что у меня есть жена, – кивает он и принимается за еду.

Уплетает панкейки с аппетитом, намазывает варенье толстым слоем и с наслаждением мычит.

Я ставлю перед ним чашку кофе, сажусь напротив и смотрю, как он ест. Кисти у мужа крупные, сильные и вчера, он этими руками обнимал Кристину.

– Виталь, – тихо начинаю я, – а когда мы перестали целоваться при встрече в губы?

Он поднимает глаза, а ложка висит в воздухе.

– В смысле?

– Раньше ты целовал меня в губы. Что утром, что вечером, а потом в какой-то момент стал только в щеку. По-дружески. Когда это случилось?

Он смотрит на меня пару секунд, и они кажутся слишком долгими. Потом машет свободной рукой и снова наклоняется к тарелке.

– Да не помню я, я не отслеживал и, вообще, даже не заметил этого. Какая разница? Мы двадцать лет вместе. Что щека, что губы – уже одно и то же.

Я киваю, а внутри так горько становится, что глаза щипать начинают. Действительно, «одно и то же».

– Да. Наверное. И мы давно никуда вместе не ходили и не выезжали загород. Алина уже два года учится в другом городе, мы предоставлены друг другу, нянчить уже никого не надо, а у нас: работа, дом и максимум мяса на гриле во дворе.

Виталья жует и смотрит в тарелку, на меня почему-то глаза не поднимает, а мне очень интересна его реакция. Насколько там с этой молодой любовницей все серьезно или отношения со мной ему все же дороги?

– Работа занимает все время, это так. Ты же знаешь, Нина, притормозишь обороты, и денег в семье станет меньше.

– А зачем нам столько много денег, Виталья? У нас есть цели? – я говорю это мягко, почти задумчиво, чтобы он не соскочил с крючка и не ушел. – Дом есть, он обустроен, на счетах лежат депозиты, они наш тыл в случае форс-мажора, а процентов хватит, чтобы заменить пенсию. Доход от фирм достаточный, чтобы жить и ни в чем не нуждаться, а также оплачивать обучение Алины. При таких раскладах вполне можно передать управление доверенным людям и начать жить для себя. Ты так не считаешь?

Виталья вздыхает и откладывает вилку.

– Если хочешь, на ближайшие выходные можем пригласить Яну и ее дочку к нам в гости. Посидим, пожарим мясо.

Внутри у меня что-то резко обрывается. Я же не к этому вела, я же, гад ты такой, шанс тебе давала, хоть немного реабилитироваться в моих глазах.

А он, вместо того, чтобы зацепиться за эту идею и избавиться от быта между нами, хочет привести свою любовницу сюда. В наш дом. За наш стол. Чтобы я обслуживала ее, улыбалась и делала вид, что ничего не знаю.

Нет, моего мужа очень даже устраивает такое положение вещей: дома обслуживает жена, в постели обслуживает молодое тело.

Я смотрю на Виталью несколько секунд, гашу внутри себя лютую злость, смешанную с горечью, и улыбаюсь.

– А давай! Приглашай. Посидим, поболтаем, – соглашаюсь я, желая посмотреть, как эти голубки будут себя вести при законной жене.

Виталья уже тянется к чашке, явно довольный, что разговор свернул в безопасную сторону, но тут я подливаю масла в огонь.

– Ты, кстати, знаешь, что Кристина выходит замуж?

Виталья давится. Кофе идет не в то горло, он закашливается так сильно, что лицо мгновенно краснеет, глаза слезятся, он хватается за горло, пытается вдохнуть, но только хрипит.

Я вскакиваю, реально пугаясь, что он сейчас рухнет.

– Боже, Виталья!

Подбегаю, сильно и ритмично начинаю стучать по его спине между лопатками. Он продолжает кашлять, сгибаясь над столом. Я смачиваю кухонное полотенце холодной водой и прижимаю его к лицу, вытирая слезы и слюну, которая пошла изо рта.

Господи, мне вот только этого для полного счастья не хватало.

– Дыши. Медленно. Через нос.

Он, наконец, втягивает воздух, но лицо все еще багровое. Я продолжаю держать полотенце у него на щеке, будто заботливая жена, которая просто испугалась за мужа.

– Ты как? – спрашиваю сухо.

– Нормально, – хрипит он. – Просто... не в то горло пошло.

Я сажусь обратно на свое место, и поглядывая на мужа с презрением.

– Алина звонила вчера вечером. Привет тебе передавала. Сказала, что будет у Кристины подружкой невесты. Представляешь?

Виталья молчит, просто смотрит на меня, а глаза все еще влажные после кашля.

– Может, на выходных и ее парня пригласим? Познакомимся. Мы же очень близкие. Она мне как дочь и тебе... тоже как дочь. Правда?

Виталья кивает слишком быстро.

– Да, конечно. Как дочь.

Я улыбаюсь еще мягче, вот только глубоко в душе все рыдает, но я держусь изо всех сил.

– Вот и хорошо. Значит, позовем.

Виталья встает так резко, будто кипяток на себя пролил.

– Мне пора. Совещание в девять.

Он уходит наверх собираться, а я сижу за столом и смотрю на недоеденные панкейки. Руки спокойные, дыхание ровное, только где-то глубоко внутри все еще дрожит та самая струна, которую вчера натянули до предела.

Через пятнадцать минут он спускается уже в костюме, снова целует меня в щеку, быстро, как между делом, и идет к двери.

Я провожаю его.

– Виталь, – останавливаю его уже на пороге. – Я сегодня после салона встречаюсь с Яной. Раз у Кристины нет отца, я предложу, чтобы ты провел ее к алтарю. Как отец.

Муж замирает и сжимает пальцы на дверной ручке.

Я продолжаю спокойно, почти буднично:

– Только перед этим вам двоим нужно будет сходить в церковь. Причаститься и исповедаться. Ты же верующий.

Глава 4

Я прихожу в кафе раньше и специально выбираю столик у окна, чтобы создать себе видимость пространства и воздуха. Сажусь так, чтобы видеть вход и, когда придет Яна, помахать ей.

Весь день в салоне я работала на автомате, улыбалась клиенткам, проверяла новую поставку, которая, наконец, нашлась и была доставлена, отвечала на звонки. А сейчас, стоит только остаться одной, внутри поднимается то, что я весь день запихивала все глубже и глубже в себя.

Можно сколько угодно делать вид, что ты сильная, независимая и гордая женщина, но если ты не прожила свои эмоции, если не выплакала боль и отчаяние, это все тянет на дно, отбирает энергию и делает глубоко несчастной.

Руки слегка дрожат, когда я ставлю сумку на соседний стул. Я очень боюсь этого разговора, а точнее, боюсь за Яну. Если расскажу все как есть, ей будет чертовски стыдно за дочь. Это будет для нее удар, она почувствует себя ответственной за поступок Кристины, как мать, хотя я считаю, что Яна хорошая мама, просто Кристина оказалось подлой. Поэтому решаю поделиться с подругой своей ситуацией, но без имен, скажу, что не видела лица любовницы Витали, просто факты.

Мы с Яной знакомы почти пятнадцать лет. Познакомились еще, когда Алине было лет десять. Я тогда только открыла первый крошечный кабинет на первом этаже хрущевки, а Яна привела Кристину, кудрявую и с вечным насморком, на массаж к моей знакомой в соседнем кабинете.

Мы разговорились, болтали каждый сеанс их массажа, потом начали встречаться вне кабинета просто так. Яна была единственной, кто поддерживал меня из моего окружения и верил, что все у меня получится, когда я говорила, что хочу свой косметологический салон.

С тех пор мы прошли вместе почти все: ее развод, и, кстати, ее муж тоже связался с молодой девушкой, мой переезд в большое, постоянное помещение салона, бессонные ночи с детьми, наш первый класс с Алиной, бесконечные попытки Яны наладить личную жизнь. Я привыкла, что она у меня есть, а я у нее, и я даже не представляю, что может разрушить нашу дружбу.

Кристина? Уверена, узнай о поступке дочери, Яна лично выбьет из нее всю дурь.

Яна появляется через десять минут, обнимает меня крепко, пахнет своими привычными духами с ноткой ванили, которые мне очень на ней нравятся, и устало улыбается.

– Привет, дорогая. Вчера в голосовом мне жутко не понравился твой голос, я даже подумала позвонить, несмотря на время. Что случилось? Что-то с Алиной?

Я смотрю на подругу и понимаю, что все, больше не вывожу. Горло мгновенно перехватывает, глаза щиплет так сильно, что я даже не успеваю отвернуться. Опираюсь локтями на стол, закрываю лицо ладонями и просто разрешаю себе заплакать. Без красивых всхлипов, просто начинаю рыдать по-женски и от души. Слезы текут ручьем, и я их не останавливаю.

– Мне Виталя изменяет, – говорю сквозь них. – Я застукала его вчера утром, в кафе. Он был с любовницей.

Яна резко выпрямляется, стул издает жалобный скрип.

– В смысле? Твой Виталя? А ты уверена, что это была именно любовница? Может, встреча по работе? Просто клиентка, – Яна шокировано пытается найти опровержение моим словам.

– Нет, они обжимались, и она уговаривала его, развестись с ней. Я столько нового о себе узнала. Представляешь, я его не возбуждаю и ему со мной скучно, – и я рассказываю вкратце вчерашнюю встречу.

– Боже, какой ужас! – голос Яны срывается на высоких нотах. – А ты рассмотрела ее лицо? Видела эту мелкую стерву?

Хочу согласно кивнуть головой, но вспоминаю, что обещала себе не говорить Яне, что эта мелкая стерва – ее дочь, но тут в груди словно током пронзает.

«Мелкая стерва»! Откуда Яна знает, что любовница Витали молодая? Я не говорила.

Слезы еще стоят в глазах, но уже не катятся по лицу.

– Подожди, откуда ты знаешь, что она молодая?

Яна на секунду теряется, глаза бегают в сторону окна, потом на чашку, потом снова на меня, затем она приходит в себя и чуть отмахивается рукой.

– Да они все такие, эти кобели за сорок пять! Лезут только на молодых. Все до одного. Возьми вон моего Вовку, тоже с двадцатилетней девахой изменил. И что им только в нас сочных и опытных не хватает?

Я медленно киваю, соглашаясь с ее логикой, вытираю щеки салфеткой, и вдруг само собой всплывает то, о чем я весь день старалась не думать.

– Мы с ним познакомились на свадьбе общих знакомых. Ему было двадцать шесть, мне девятнадцать. Он весь вечер таскал мне яблочный сок, и в итоге сам перешел с красного полусладкого на него, чтобы принципиально пить то же, что и я. Цирк. Потом три месяца, если мы не виделись, звонил каждый вечер ровно в девять сорок и рассказывал, что видел за день, даже если это был просто застрявший лифт или странный тип в маршрутке. Мы расписывались в старом ЗАГСе на окраине. У меня было одно белое платье из секонда, у него темно-синий костюм напрокат. За душой ноль. Снимали однушку, где холодильник стоял в прихожей, потому что на маленькой кухне не помещался. Потом почти сразу появилась Алина, пока я была в декрете и училась на заочном, он открыл свою фирму по перевозкам, сам управлял грузовиками, долги, беспокойные ночи, но всегда вместе, рука об руку. Потом и я тот первый кабинет открыла и понеслось. Мы же все вместе поднимали, всегда поддерживали друг друга, не один пуд соли съели. Я не понимаю, как он мог так со мной поступить? С нашей семьей.

Яна молчит несколько секунд, потом говорит жестко, почти зло:

– Потому что кобель. Вот и весь секрет. Начал гулять, значит, уже не остановится. Бросай его, Нина. Зачем тебе такой? Ты красивая, умная, у тебя свой салон, доход нормальный, голова на месте. Сними квартиру и беги от него. Найдешь нормального, который будет тебя ценить, а не бегать по молодым.

Я смотрю на нее и вдруг перестаю плакать. Совсем. Слезы, как обрезают.

– А как же: одумается, нужно сохранить семью, бес в ребро? Ты так говорила, когда собиралась прощать своего Вову. А еще всегда говорила, что мой Витали идеальный, видный мужчина, заботливый муж, трудоголик, что за такого держаться надо. Говорила, что мечтаешь, чтобы Кристина такого же встретила. А теперь говоришь, бросать его?

Яна отводит глаза, буквально на мгновение, и в этом взгляде мелькает что-то странное, почти вина. Она быстро возвращается к чашке и начинает мешать уже совершенно остывший кофе.

Не пойму, почему она так себя ведет? В принципе, время идет, мнение может меняться, тем более, когда переживаешь развод и несколько неудачных отношений.

– Да ну, что ты пристала, – голос у нее становится чуть раздраженным. – Раньше говорила так, теперь так. Я просто не хочу, чтобы ты мучилась и страдала. И не хочу об этом говорить.

Она слишком резко обрывает тему, слишком быстро. Я замечаю это, но списываю на то, что моя история ее задела сильнее, чем она показывает на самом деле. У нее самой никогда не было легкой жизни с мужчинами.

– Ладно, – говорю устало. – Не будем.

Яна кивает, уже мягче, и кладет ладонь мне на руку.

– Я рядом, Нин, чем смогу, всегда помогу. Ты же знаешь. Плечо подставляю, если надо, деньги, ночлег, что угодно. Ты только скажи.

Мы замолкаем ненадолго, каждый в своих мыслях, повторяем заказ, я кручу салфетку в пальцах, внутри все еще ноет, но уже тише.

Я хочу сказать подруге больше, хочу назвать имя ее дочери, что узнала ее по голосу, что видела в зеркальце, но интуиция вдруг становится на дыбы, и что-то внутри просто кричит: не надо, не сейчас. И я доверяю себе.

– Слушай, а давай в эти выходные к нам. На шашлык. Ты и Кристина.

Яна хмурится, смотрит на меня внимательно, почти подозрительно.

– Сейчас? После всего этого? Думаешь, это уместно?

– А почему нет? – отвечаю я спокойно. – Вы сейчас мои самые близкие люди. Что мне, в гроб ложиться и умирать?

Она дергается всем телом.

– Нет. В гроб точно не надо.

– Однозначно, – чуть улыбаюсь краем губ. – Я скорее туда мужа и его любовницу уложу.

У Яны на лице на секунду появляется настоящий испуг, глаза расширяются, она даже губы чуть приоткрывает, потом быстро берет себя в руки, но я уже заметила это нетипичное для подруги поведение. Раньше она лучше понимала мой юмор.

Внезапно мне звонят. Пока я лезу в сумку за телефоном, говорю почти буднично:

– Давай в субботу часов в пять, и пусть Кристина со своим парнем приходит. Познакомит как раз. Я же ей тоже не чужая, крестной хотела быть, но вы ее не крестили.

На лице Яны чистая растерянность.

– Парень?

– Да, Алина рассказала, – киваю я и уже беру трубку.

Я слушаю абонента несколько секунд, потом быстро отвечаю, не люблю, когда меня отвлекают от посиделок с подругой:

– Да, я помогу, конечно. О чем речь. Хорошо. Я все организую, не волнуйтесь.

В этот момент мимо окон медленно проезжает грузовая машина с огромной рекламой на весь борт: «Ритуальные услуги под ключ». Черные буквы, фотографии памятников, номер телефона крупным шрифтом.

Я кладу трубку и смотрю на эту машину.

– О, как раз то, что нужно.

Достаю телефон и фотографирую прямо через стекло.

В ту же секунду Яна неловко дергает рукой и опрокидывает чашку. Кофе разливается темным пятном по белому столу и бежит вниз, на ее бежевое пальто.

Глава 5

– Зачем тебе фото ритуальных услуг? – с какой-то странной дрожью в голосе спрашивает Яна, а я лишь пожимаю плечами.

– У одних свадьба, у других похороны. И такое бывает.

Я так и не дожидаясь, когда подруга расскажет про свадьбу своей дочери, поэтому говорю сама:

– Кристина сказала, что выходит замуж, и попросила мою Алину быть ее подружкой невесты. Не знала, что у Крис серьезные отношения, но я понимаю – счастье любит тишину.

– Что? Алину? – Яна бледнеет еще сильнее, а меня как-то неприятно торкает внутри.

– То есть, ты не удивлена свадьбе, а то, что твоя дочь выбрала в качестве подружки невесты мою дочь, тебя шокирует? – меня начинает потряхивать, потому что если все так, то Яна в курсе отношений Кристины и моего мужа.

Но Яна быстро приходит в себя.

– Что? Нет! Я не в курсе, что моя дочь выходит замуж, даже не знала, что у нее есть парень. Это Алина тебе все рассказала? А кто жених-то, она знает?

Яна изумляется очень правдоподобно, и я мысленно ругаю себя за подозрения в ее сторону, но если честно, червячок сомнения уже проник в сердце и грызет.

– Нет, Алина тоже была удивлена такой новостью. Может Кристина беременная? – говорю это, а внутри все наизнанку выворачивается от этой мысли.

Если Кристина окажется беременной, это будет непереносимый удар. Просто сверх мерзости. Мой муж не только изменил мне. Но еще и в порыве страсти заделал другого ребенка? Или это осознанно.

– Нет! – сильнее нужного восклицает Яна, – Кристины не беременная.

– Уверенна в этом? – но Яна молчит и только глазами хлопает. – Ладно, подруга, мне пора. Дела. Спасибо тебе, дорогая, что выслушала. И поговори с дочерью. Свадьба – дело серьезное. Приходите в субботу вместе с женихом, нечего его скрывать, все свои. И да, забыла сказать, Виталия согласился заменить Кристине отца и подвести к алтарю.

Встаю, надеваю пальто, беру сумочку, оставляю на столике оплату за свой заказ и только потом замечаю, что Яна не двигается и смотрит в одну точку.

– Эй, подруга, все хорошо?

– Да, Нин, иди.

Я и ухожу, и нахожу агентство по той фотографии, что сделала из окна кафе. Белое одноэтажное здание стоит чуть в стороне от дороги, аккуратная темная вывеска, шторы на окнах плотные, почти не пропускают свет. Внутри пахнет непривычно: смесью свежего дерева, сухих цветов и чего-то холодного, металлического. Тишина здесь особенная, не пустая, а плотная, будто сама смерть согласилась подождать за дверью и не торопит.

Администратор поднимается навстречу сразу. Женщина лет пятидесяти, спокойные глаза, тихий голос, от которого почему-то становится легче дышать.

– Здравствуйте. Чем могу помочь?

Я останавливаюсь посередине зала, сумка на плече резко становится тяжелой, пальцы чуть впиваются в ремень, внутри все натягивается струной и грозит треснуть по швам.

Я знаю, зачем пришла, но само понимание своей цели и эта вроде бы спокойная атмосфера, но кричащая, что здесь ставят жирную точку на всем: на жизни, на чувствах, на мечтах, угнетает и вызывает дрожь.

– Мне нужно организовать похороны, – говорю ровным голосом, но знаю, что он сейчас не похож на мой. – Под ключ.

– Для кого? – буднично спрашивает женщина.

– У одной женщины умерла любовь всей ее жизни. Нужно сделать все правильно, достойно, с почином.

Администратор кивает. В ее глазах нет ни жалости, ни праздного любопытства, только понимание, отточенное годами.

– Если любовь умерла, – произносит она тихо, – ее обязательно нужно похоронить с красиво. Мы поможем.

Меня проводят в зал образцов. Здесь еще тише, по стенам стоят гробы: светлые, темные, с резными крышками и совсем гладкие. На низких подиумах расположены памятники: гранит разных оттенков, мрамор, иногда вставки из металла. На столиках лежат раскрытые каталоги, страницы плотные, матовые, на них фотографии готовых работ под разным освещением.

Я хожу медленно, касаюсь пальцами дерева, оно теплое и гладкое, потом перехожу к камню, тот холодный, тяжелый, как обреченность.

Внутри у меня странное раздвоение. Боль от предательства никуда не делась, она сидит глубоко, под ребрами, и остро напоминает о себе. Но сейчас я нахожусь в месте, где все и со всех углов кричит, что это конец, беспросветный, окончательный, бесповоротный, и меня кроет мраком, по жилам пробегает страх и желание сбежать отсюда.

Но я здесь не для того, чтобы бояться, я для того, чтобы организовать прощание, и это надо сделать.

– Мне нужны два одинаковых комплекта, – говорю я, останавливаясь у темного дубового образца. – Два гроба и два памятника в одном стиле. Строго, без чрезмерных золотых завитков и пафоса. Просто достойно.

Администратор слушает внимательно и вопросов не задает, просто кивает и достает дополнительные каталоги.

Мы выбираем долго. Я листаю страницы, сравниваю оттенки, провожу пальцем по фотографиям фактуры. Останавливаюсь на темном, почти черном дубе с едва заметной тонкой резьбой по краю крышки.

Памятники тоже простые: вертикальные плиты из темно-серого гранита без ангелов, без лишних надписей, только место под фотографию и короткую фразу, но эти места я пока оставляю пустыми.

Пока администратор делает пометки в блокноте, я подхожу к большому окну и смотрю на серый двор за ним. Внутри все еще бьется паника, но уже тише, я может и железная леди, но внутри обычная женщина, которая сейчас же хочет на солнце.

Внезапно чувства снова все смешиваются, и мысли возвращаются к Витале. Я вспоминаю, как двадцать лет назад мы стояли на крошечной кухне и мечтали о доме с настоящим двором, как он страстно целовал меня и обещал, что все будет хорошо, как потом это «все будет хорошо» постепенно превратилось в «я задержусь» и поцелуй в щеку.

Я моргаю и возвращаюсь в зал. Похоронное бюро не место для теплых воспоминаний. Хотя, наверно именно потому, что здесь оформляют последний путь, мысли только о прошлом.

– Все под ключ, – еще раз проговариваю я. – Место, подготовка, оформление, транспорт, музыка. Два полных комплекта.

Администратор заканчивает записи и поднимает глаза.

– Когда планируется церемония?

– Скоро. Я точно не знаю, в ближайшую неделю. Я сообщу дополнительно.

Она чуть хмурится, словно только что что-то поняла, и карандаш замирает над бумагой.

– Простите, а почему гробов и памятников два?

Я отвечаю спокойно, почти буднично, глядя ей прямо в глаза:

– Потому что женщина хочет проводить в последний путь не только свою любовь, но и то, что этой «любви» дорого при жизни. В один гроб все не поместиться.

Глава 6

Я выхожу из ритуального агентства и сразу сворачиваю в сквер напротив. Ноги сами несут меня по широкой дорожке между кленами, которые уже почти полностью сбросили листву. Воздух сырой, тяжелый, пахнет мокрой землей, прелыми листьями и далеким дымом. Я иду быстро, почти не глядя по сторонам, пока внутри не начинает хоть немного отпускать.

Никто не выходит спокойным из таких мест. Как бы ни грела меня цель, как бы ни держала в тонусе эта странная задумка, организовывать похороны все же трудно для психики.

Боль никуда не делась, она просто забралась чуть глубже, чтобы дать мне стойко жить эти дни. Сейчас она снова поднимается к горлу: тупая, ноющая, выворачивающая душу.

Я сворачиваю на боковую тропинку и сажусь на холодную металлическую скамейку. Спинка неприятно давит лопатки. Я сижу, глядя перед собой, и вдруг вспоминаю диван.

Тот самый, персиковый, мы выбирали его целый месяц. Ходили с Виталей по магазинам по вечерам, после работы, спорили, прикидывали, влезет ли в гостиную нашей маленькой квартиры.

Нам нравился один, но он был дороже, чем мы могли себе позволить. Хотели взять другой, попроще, подешевле, и тут пятилетняя Алинка, бегая между рядами, спотыкается, падает, и открытый тетрапак с детским вишневым соком вылетает у нее из рук прямо на этот великолепный персиковый диван.

Яркое пятно расплывается мгновенно и на глазах впитывается в ткань. Можно было бы вызвать химчистку, заплатить за нее и все, но мы с Виталей переглянулись и вдруг оба засмеялись. Решили, что дочь просто поставила свою метку и точку в наших скитаниях. И оставили этот диван.

Потом столько лет его обожали. Даже когда ткань уже вытерлась на подлокотниках и немного просела посередине, мы все равно говорили, что он наш, помеченный.

Я сижу на скамейке и смотрю на желтые листья под ногами, а мыслями где-то очень далеко, в счастливом прошлом, в котором я еще не знала, чем закончится наш путь с Виталей.

– Девушка, держите. Это вам, – голос совсем близко, над головой, низкий, спокойный.

Я вздрагиваю и даже подскакиваю на ноги.

Передо мной стоит высокий мужчина лет сорока пяти в темно-сером пальто. Статусный, привлекательный, с короткой аккуратной бородой и спокойными глазами. В руках у него небольшой, невероятно желтый ананас, такой яркий, будто его только что сняли с рекламного плаката.

Он протягивает его мне.

Я растерянно беру. Ананас тяжелый, теплый от его ладоней, кожура жесткая, а запах такой ароматный, что рот тут же наполняется слюной.

– Боже, – вырывается у меня почти шепотом. – Я такой желтый ананас видела только на экзотических картинках в интернете. Где вы такой нашли в нашем городе?

Мужчина чуть улыбается уголками губ.

– Я рад, что вы любите ананасы так же, как и я. Значит, этот точно оцените.

Я, наконец, прихожу в себя.

– Подождите. С чего вдруг вы мне дарите фрукты? Мы не знакомы.

Он бросает быстрый взгляд на мою правую руку, прямо на кольцо на безымянном пальце, и улыбается чуть шире.

– Да, не знакомы. Но это не мешает мне увидеть вашу улыбку.

Мужчина подмигивает совсем легко, разворачивается и уходит по дорожке, больше не оглядываясь. Я еще долго стою с ананасом в руках и смотрю ему вслед. Он посмотрел на руку,

проверил, замужем ли я, и когда увидел кольцо, как настоящий мужчина не стал лезть в семью. Просто подарил этот ароматный желтый ананас, чтобы вызвать улыбку.

Я иду к машине, прижимая фрукт к себе, будто он может согреть.

Дома тихо и пусто. Я включаю свет на кухне, разогреваю вчерашний суп, отрезаю кусок хлеба. Ужинаю одна, сидя за большим столом, за которым мы с Виталей обычно сидим вместе.

Виталья задерживается, уже второй раз. Видимо, Кристина настояла на своем, чтобы он уделял ей время и после работы.

И когда же ты, Виталья, стал таким мягким, таким удобным для нее и таким... отсутствующим для меня?

Я сижу, глядя в пустую тарелку, и вдруг чувствую, как боль начинает сдавливать горло. Не резко, а медленно, поднимаясь из самой глубины. Слезы наворачиваются сами, и их не удержать. Я не рыдаю, просто сижу и тихо плачу, глядя перед собой. Слезы каплют на столешницу и оставляют темные точки, похожие на плесень в моей жизни.

Рыдания усиливаются, я подрываюсь на ноги, беру ананас и кладу на большую разделочную доску. Нож входит в кожуру жестко, почти зло, словно этот фрукт – причина всех моих бед.

Я очищаю его быстро, остервенело, отрезаю кружки один за другим. Сок течет по пальцам, липкий и холодный. Я подношу один кружок к носу и вдыхаю. Запах ударяет так сильно, что я закрываю глаза от удовольствия. Сладкий аромат, настоящий, почти забытый. И от этого становится еще горше. Слезы текут уже ручьем, соленые, горькие, безудержные.

– Черт тебя побери тебя, Виталья, – яростно рычу я в пустую кухню. – Ты же знаешь, что я обожаю ананасы. Когда ты мне их покупал для меня в последний раз? Даже не вспомню. Ну да, двадцать лет вместе. Что губы, что щека, разницы уже нет.

Я утираю слезы тыльной стороной ладони, сажусь за стол и начинаю есть. Кусочек за кусочком. Впервые за столько лет настолько вкусный ананас, что в груди все смешивается: сладость фрукта и горечь предательства на контрасте.

Дверь открывается, когда я доедаю последний кружок. Ключи привычно звякают в миске, по коридору разносятся шаги.

Виталья ведет себя как всегда: сбрасывает туфли, вешает куртку, проходит на кухню. Выражение лица обычное, чуть уставшее, чуть с улыбкой.

– О, ананас, – говорит буднично, подходит, наклоняется и целует меня в щеку. – Откуда такой красавец? И чем сегодня кормить будешь голодного мужа?

Голодный муж моет руки, вытирает полотенцем и снова подходит, но уже сзади, обнимает за талию, руки тут же скользят под блузку, и теплые ладони ложатся на живот. Виталья прижимается ближе, губы почти касаются моего уха.

– Может, сразу к десерту перейдем? – низко, мягко, почти мурлыча, говорит он.

Я выворачиваюсь резко, почти жестко, включая всю свою силу воли на полную катушку, поднимаюсь и иду к раковине.

– Десерта у тебя теперь долго не будет.

Виталья хмурится, смотрит непонимающим взглядом, даже чуть обиженным.

– Это почему еще?

Я мою липкие от сока руки, вытираю полотенцем, вешаю его обратно на крючок и говорю спокойно, глядя дорогому мужу прямо в глаза.

Голос не дрожит, сталь, маска на лице плотно держится.

– Я сегодня у гинеколога была. У меня нашли серьезное воспалительное заболевание, которое передается только половым путем. Врач категорически запретил любые контакты до полного выздоровления. А заодно дал задание, подумать, кто источник инфекции.

Глава 7

Второй день подряд Виталя приходит раньше обычного. Еще даже шести нет, когда я слышу, как ключи падают в миску в прихожей. Дверь хлопает громче, чем нужно.

Он входит раздраженный, с каким-то внутренним напряжением, которое читается в каждом его движении, в том, как он сбрасывает туфли, как бросает пальто на пуфик, не заморачиваясь повесить его аккуратно. Лицо уставшее, глаза чуть красноватые, будто плохо спал или долго сидел при искусственном свете, скулы напряжены.

Я слишком давно живу с этим человеком и слишком хорошо его знаю, чтобы не понять, что он реально чем-то обеспокоен и это что-то не под его контролем.

Я сижу на кухне с чашкой уже остывшего чая и смотрю на мужа поверх края чашки.

– Ты рано сегодня.

Виталя только бурчит что-то невнятное в сторону холодильника, открывает дверцу, смотрит внутрь и закрывает, ничего не взяв.

– Все нормально? Что-то случилось на фирме? – спрашиваю спокойно, стараясь, чтобы голос звучал обычно.

– Все хорошо, ничего не случилось, – отвечает коротко, почти отрывисто муж, и сразу уходит в ванную.

Дверь закрывается с таким звуком, будто он хочет отгородить себя от всего дома, чтобы его оставили в покое.

Я остаюсь одна и усмехаюсь. Мне интересно, действительно интересно, почему он так себя ведет и почему пришел домой.

Неужели причина в том, что я сказала про инфекцию? Или все же что-то случилось на работе? Он никогда не был таким дерганным. Даже после самых тяжелых дней сохранял ровный, почти ледяной тон. Когда проблемы в компании, Виталя скорее закрывается, перестает быть эмоциональным, чтобы хладнокровно вывезти все и принять решения. Сейчас же от него веет нервным электричеством.

Я никогда в жизни не лазила у него по карманам и не проверяла телефон. Считала это ниже своего достоинства, признаком слабости и неуверенности в себе, но сейчас коварное любопытство просто распирает грудь. Мне нужно знать, о чем эти голубки говорили. Хотя бы чуть-чуть.

Его телефон лежит на тумбе в коридоре, темным экраном вверх. Я подхожу медленно, будто могу напугать собственную тень, останавливаюсь и смотрю на черное стекло. Ничего хорошего я там не прочитаю, это уж точно, только грязь и щебетание мерзких голубков. Только сделаю себе больнее.

Я уже собираюсь отойти, развернуться и уйти в комнату, когда экран вдруг загорается.

Яркая подсветка вспыхивает, и я вижу уведомление о сообщении.

От Кристины.

«Как ты и хотел, я сдала сегодня все анализы, но повторяю, я ничем не болею. Надеюсь, извинения будут весомыми».

Я замираю. Буквы горят на экране несколько долгих секунд, потом гаснут, но я уже все увидела. Каждое слово.

Значит, его зацепила моя выдумка, и он испугался, поверил и заставил ее сходить к врачу. А я-то всего лишь хотела, чтобы он ко мне не прикасался. Сложно было бы долго ссылаться на головную боль и усталость, а спать с этим мужчиной я уже просто не смогу. Противно. И как бы это ни звучало, может, реально стоит сходить к врачу и провериться самой. Мало ли с кем он еще шлялся, и уж тем более я не знаю, с кем водилась Кристина до внезапной любви к моему мужу.

Я тихо, очень тихо выдыхаю, внутри поднимается странное, холодное удовлетворение. Оно смешивается с горечью от предательства, но все равно приятно. Наверно, я ужасный человек. Плевать.

Я ухожу в свою комнату, закрываю дверь и сажусь на край кровати. Руки чуть дрожат от волнения, от напряжения и от этого странного застывшего состояния внутри, которое я начала испытывать, когда план стал обретать форму.

Я набираю Алину. Она отвечает быстро, голос бодрый, чуть запыхавшийся.

– Мам, привет. Бегу на встречу с подружками, решили на фильм сходить, потом в боулинг поиграть. Ты как?

– Нормально. Ничего нового. Я, может, тогда позже позвоню. Или завтра, – говорю ровно, стараясь, чтобы голос звучал обыденно, хотя по факту я оттягиваю момент своего вопроса.

– Не, давай поболтаем. Мне идти еще минут десять.

– Слушай, я хочу приготовить нашим молодоженам сюрприз. С Яной я на днях виделась, она молчит, как партизан, поэтому даты свадьбы Кристины я не знаю. В субботу мы с папой пригласили Кристину и Яну к себе, посидим, поболтаем, мясо пожарим. Пригласили и парня Кристины, но не знаю, придет или нет.

– О, мам, круто. Я до сих пор в шоке от этих новостей. Уехала только как три недели назад, а уже такие перемены. Может мне к вам рвануть на выходные?

– Не надо туда-сюда мотаться, Алина, – говорю я на полном серьезе. – У тебя только семестр начался, раскачка идет, сейчас расслабишься и все, упустишь ритм. Приедешь через месяц-два. Или я через неделю-другую тебя навещу.

– Ладно, ты права, просто у вас явно веселее, чем у меня здесь.

– Да уж, очень весело. Обхохочешься. Ладно, зачем я звоню, собственно. Хочу сделать для Кристины что-то особенное, но на самом деле мало о ней, что знаю. Ты же с ней общалась здесь, переписываешься, расскажи, что она за девочка? Что любит, куда ходит, чем увлекается? Может, есть какие-то вещи, которые ей особенно дороги? Чтобы сюрприз попал точно.

Алина оживает мгновенно. Ей всегда нравилось болтать и делиться подробностями.

– Ой, мам, Кристина очень современная, очень четко знает, чего хочет. Все время говорит, что женщина должна «стоять дорого» и не размениваться на мелочи. Любит, когда ей дарят что-то статусное: сумки, украшения, чтобы все это замечали. Недавно писала и хвасталась браслетом с ключиком, сказала, что ее мужчина подарил.

– Оу, так у нее не парень ее возраста, а мужчина?

– Я тоже обратила внимание на это, но не стала уточнять. Мы не настолько близки, чтобы я такие вопросы задавала. Я, вообще, удивилась, что она стала мне писать. В городе мы еще можем куда-то вместе сходить, но так, чтобы постоянно переписываться, такого не было. А тут, словно ей похвастаться больше некому.

– Ясно, да, странно. Ладно, что-то еще скажешь о ней?

– Постоянно говорит, что устала на метро ездить, что хочет себе машину. Я удивилась, но Кристины есть виниловые пластинки, целая полка, но она их больше фотографирует для сторис, чем слушает, хотя бы потому, что проигрывателя у нее нет. Короче, панты. Что еще... А! Дневник ведет, ярко-розовый с замочком, но, по-моему, последние годы туда в основном пишет, кто что подарил и куда повез. Парфюм носит дорогой, чтобы «пахнуть дорого». И кофейни выбирает такие, где все красиво и можно сфотографироваться и выложить в сеть. В общем, она себя очень ценит и идет к тому, что хочет.

Я слушаю молча. Алина говорит это легко, без осуждения, для нее Кристина просто «девочка, которая себя ценит», а я слышу совсем другое: расчет, пустоту, искусственность, и вижу девушку, которая измеряет себя чужими деньгами и вниманием. Красивую, удобную куклу, и абсолютно пустую.

– Спасибо, зай, – говорю мягко. – Ты мне очень помогла. Правда.

Пока мы разговариваем, я встаю и начинаю медленно ходить по комнате. Открываю нижний ящик комода, тот самый, куда годами складывала старые вещи «на память», хотя сама толком не знала зачем.

Достаю фотографию. Мы с Виталей на смотровой площадке, ему двадцать семь, мне двадцать. Ветер разметал мне волосы, он стоит на одном колене, протягивает недорогое, но красивое кольцо, тогда еще самое простое, тонкое. Я смеюсь в камеру, глаза щурятся от солнца и счастья. Это было его предложение руки и сердца.

Рядом, в том же ящике, лежит деревянная расческа. Темное дерево, гладкая, с толстыми зубьями. Я подарила ее Витале на первую годовщину. Он тогда долго смеялся:

«Мне и чесать-то особо нечего, лысеть начал раньше времени».

А что я могла подарить, когда особо денег не было, а мне кто-то сказал, что дерево останавливает выпадение волос у мужчин. Молодая, наивная, верила всему.

Но потом Виталя носил ее с собой годами. В сумке, в машине, на тумбочке оставлял. Говорил, что она стала ему талисманом. Смешно вспоминать, но волосы и правда перестали выпадать. Наверно эффект плацебо.

Еще достаю старые наручные часы, те, что Виталя носил, пока не разбогател достаточно для более статусных. Ремешок уже потертый, циферблат чуть выцветший. И маленькую желтую записку-стикер, которую муж когда-то оставил для меня на холодильнике: «Люблю до невозможного. Хочу не на работу, а к тебе в постель».

Ему было тридцать, мне двадцать три. Алина еще в садик не ходила, а я выглядела замученной в декрете, потому что параллельно училась и вела дом, но муж тогда не замечал моего вида, а правда любил.

Кладу все это на кровать и с тоской в сердце еще раз оглядываю. Внутри поднимается тяжелая, горькая волна. Вот что было настоящим. Вот что он решил выбросить ради пустой, красивой оболочки, которая «стоит дорого».

Алина еще что-то рассказывает про учебу, про одноклассников, про то, что в общежитии опять шумят по ночам. Я поддакиваю, угаваю, поддерживаю, снова предлагаю снять квартиру, дочь снова обещает подумать, а я понимаю, что ей просто нравится такая студенческая жизнь. Ну и пусть, ну и ладно. Будет что вспомнить.

Когда разговор заканчивается, я кладу трубку на тумбочку, затем наклоняюсь и открываю большую картонную коробку, которую приготовила еще вчера и спрятала за креслом. Коробка новая, с плотными стенками. Я кладу внутрь фотографию, расческу, часы, записку. Аккуратно, почти бережно, как все еще ценную память.

И тихо, почти беззвучно, глядя в открытую коробку, говорю сама себе:

– Сюрприз будет. Обещаю.

Глава 8

Суббота приближается слишком медленно и одновременно слишком быстро. Я просыпаюсь раньше будильника и сразу чувствую это странное, почти болезненное нетерпение.

Сегодня. Сегодня они придут. Сегодня я увижу, как эти двое буду реагировать друг на друга, ведь взгляд не спрятать, тон, голос не проконтролировать. Интересно до дрожи. Интересно и одновременно тошно.

А может, она будет настолько глупа и приведет подставного жениха? Это будет цирк.

После обеда я спускаюсь на кухню. За окном серо, пахнет осенью, мокрой листвой и дымом, видимо, кто-то жжет листья.

Виталья уже внизу, он стоит у большой разделочной доски и занимается мясом. Нарезает, пересыпает специями, поливает маслом. Мне даже не пришлось напоминать ему, что мясо – это его ответственность. Не пришлось ни просить, ни уговаривать, ни настаивать. Он готовится к гостям и не просто к гостям, а к ее приходу.

Я достаю овощи: огурцы, помидоры, болгарский перец, свежий салат. Режу медленно, ровными кружочками, мне спешить некуда. Я словно застыла внутри, замерла, затаилась. Наверно, так даже лучше. Если бы эмоции играли, при встрече этих двух я могла бы не сдержаться, а застыв, я достаточно легко переживу сегодняшний день.

Готовить я люблю. Раньше это было почти медитацией, а потом стало просто необходимостью. Для двоих готовить скучно, гости у нас бывают редко, а теперь... теперь и вовсе не понятно, для кого накрывать стол.

Я краем глаза слежу за мужем. Он заканчивает с мясом, идет к холодильнику и достает две бутылки белого брют, хорошего, дорогого, только я и Виталья эту кислятину не пьем. Никогда. Совсем. Я предпочитаю красное, он, вообще, редко для себя берет вино.

– А это для кого? – спрашиваю спокойно, продолжая резать огурец.

Виталья вздрагивает так заметно, будто его поймали за руку в чужом кармане. На лице на секунду появляется совершенно потерянное выражение. Он даже рот чуть приоткрывает от растерянности.

– Ну... для разнообразия, – наконец, выдавливают он. – Мало ли. Вдруг кто-то захочет именно настолько сухого.

Я киваю и молча продолжаю резать овощи. Внутри все сжимается. Он купил вино специально для нее. Я уверена. Но шокирует меня не это, а то, насколько циничным человеком оказывается мой муж, что в нашем общем доме, он не только легко и добровольно принимает свою любовницу, как гостью, но и откровенно готовится к ее приходу.

Если моя душа и дрогнула в агентстве ритуальных услуг, то сегодня она снова зачерствела.

Через полчаса Виталья уходит в ванную. Я слышу, как шумит вода, он долго принимает душ, потом раздается звук электробритвы. Чистит перышки. Забавно.

Я продолжаю готовить закуски, когда муж выходит из душа, идет в спальню и через полчаса спускается в свежей рубашке, темных джинсах и с легким флером дорогого парфюма. Он гладко побрился и даже волосы слегка уложил.

Я смотрю на него поверх миски с салатом. Это насколько мужская жидкость бьет по адекватности и застилает глаза, что он даже не замечает, как ведет себя совершенно нетипичным для себя образом. Только зря переживал за задержки после работы и мои подозрения. Далеко ходить не надо, достаточно сегодняшнего дня.

– Ты чего так нарядился? – спрашиваю непринужденно, будничным голосом. – Раньше, когда Яна с Кристиной приходили, ты в спортивках и футболке встречал гостей. Свои же.

Он пожимает плечами, но отводит глаза.

– Гости же. Надо как-то этику соблюдать.

Я больше ничего не говорю, только продолжаю раскладывать закуски. Внутри все кипит, как бы я ни старалась думать иначе. Ради Яны и ее маленькой стервы он раньше не брился и не гладил рубашки, а сейчас, пожалуйста, полный парад.

Мы начинаем накрывать на стол на веранде. Воздух уже прохладный, но еще терпимый. Я расставляю тарелки, бокалы, приборы. Виталя молчит, но я чувствую, как он бросает на меня короткие взгляды.

– Ты как себя чувствуешь? – вдруг спрашивает он.

Я поднимаю бровь.

– А что со мной не так?

Он мнется.

– Ну... ты же... больна. По-женски.

Я медленно кладу ложку и смотрю на него прямо.

– Я не больна. У меня ничего не болит. И если ты будешь выражаться так беспардонно, у тебя самого вполне могут заболеть причиндалы. Я постараюсь. Тебе, кстати, не помешает и самому провериться, чтобы понять, кто из нас источник награды.

Он резко выпрямляется, лицо становится каменным, а на шее вздуваются от напряжения вены. Ничего, пусть боится.

Я возвращаюсь к сервировке, будто ничего особенного не сказала.

– Кстати, раз уж Кристина замуж выходит, нам бы стоило помочь им с организацией. Они же одни совсем. Яна и так на себе все тянет. У меня есть клиентка, она держит салон свадебных платьев. Можно съездить, выбрать, договориться о скидке. А еще ресторан подобрать, фотографа. Все как положено.

Виталя дергается так, будто его током ударило.

– Чего это она замуж выходит, вообще? Рано еще.

Я искренне удивляюсь. Неужели он не планирует колечко-то на пальчик надевать, а девочка требует?

– Двадцать пять лет. Чего рано? Я в двадцать уже Алину родила.

– Времена сейчас другие, – бурчит Виталя, отворачиваясь к мангалу.

– Ну да, – тяну я мягко. – Кристина тебе как дочь, на твоих глазах выросла. Ты что Алине, что ей – отец.

Он молчит.

– Да я ее последние семь лет почти не видел, – наконец, выдает муж. – Она же уезжала учиться.

Я улыбаюсь уголкем губ и начинаю вспоминать вслух, будто просто ностальгирую.

– Зато раньше, помнишь, как она в двенадцать лет сломала руку на наших шашлыках, и ты молнией помчался с ней в травмпункт? Сидел там три часа, пока гипс не наложили. Или как она в пятнадцать попросила тебя объяснить, как работают кредиты, и ты ей целый вечер на листочке все расписывал. Помнишь? Потом она окончила школу, уехала учиться, а вернулась настоящей красавицей, совсем взрослой девушкой. Вот и замуж уже надумала. Да, время быстро летит, а мы стареем, скоро внуков нянчить будем.

Виталя стоит к мангалу лицом, но я вижу, как у него напряжена спина, руки сжимают щипцы так сильно, что костяшки белеют. Он молчит, а я спокойно раскладываю салфетки и поправляю бокалы. Внутри у меня снова холодно и ясно. Пусть трясется, пусть понимает, в какое болото втянул нас.

Звонок в дверь раздается неожиданно и очень громко. Мы оба вздрагиваем. Виталя первым идет открывать, я иду следом, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле.

Дверь распахивается, и на пороге стоят они: Яна, Кристина и...

Я широко улыбаюсь, искренне, почти тепло и очень стараюсь не рассмеяться. Всегда любила цирк.

– Привет, мои хорошие, – говорю я.

Кристина чуть поджимает губы, заметно сглатывает и улыбается только губами.

– Здравствуйте, тетя Нина, дядя Виталя. Познакомьтесь, мой будущий муж. Слава.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.